

Саласюк Владимир Вильгельмович

Родился 27.03.1953 года в Петропавловске-Камчатском, в семье военнослужащего. Окончил факультет журналистики Белгосуниверситета имени В.И.Ленина. Работал корреспондентом газет «Ленинец», «Советская Белоруссия», «Народная газета», а также преподавателем кафедры журналистики Гродненского государственного университета им. Я.Купалы. Автор пьесы «Спасибо от Израиля» (1998), повести «От июня до июля» (2011), романов «Страна Наваждений» и «Тайна Бобруйской крепости» (2015). Победитель Второго областного конкурса рукописей имени Тётки в номинации «проза». Пишет на русском языке. Член Союза писателей Беларуси с 2016 года. Живёт в Гродно.

Ещё о нём здесь: <http://fh.grsu.by/index.php/dostizheniya/490-prepodavatel-kafedry-zhurnalistiki-vladimir-vilgelmovich-salasyuk-udostoen-premii-ii-oblastnogo-literaturnogo-konkursa-rukopisej-imeni-aloizy-pashkevich>

И здесь: <http://belniva.sb.by/kultura-4/article/tayny-bobruyskoy-kreposti-s-ee-sokrovishchami-issledoval-lichno.html>

Владимир Саласюк

Из романа «Тайна Бобруйской крепости»

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНИЦА МИХАЙЛЫ ВАСИЛЬЕВИЧА

Еще с детства любознательность и настойчивость маленькой Тани в достижении цели поражали взрослых. С раннего возраста ей непременно хотелось научиться делать все, что делают взрослые, впрочем, так поступают все дети. Если взрослые дамы шьют, вяжут, вышивают, готовят на кухне обеды, варят варенье – она во всем принимала участие, все стремилась перенять, всему научиться, обо всем разузнать. Увидев, что люди читают и пишут, она довела до изнеможения родителей и приказчиков отца, требуя научить ее чтению, письму и арифметике – и научилась, и в неполные шесть лет читала бегло, знала множество стихов и народных песен. Причем проявила недюжинную

сообразительность и прекрасную память: любые тексты запоминала целыми страницами, прочитав его не более двух-трех раз. Учителя, ходившие в дом для образования девочки, восхищались её тягой к знаниям – всякий предмет был ей интересен, но более всего вызывали в ней неодолимое любопытство естественные науки, как-то: физика, математика, биология и особенно – химия. Первоначально предполагалось сообщить любознательному ребенку самые общие сведения о том, что есть неорганическая химия, но она потребовала, чтобы ей о химии рассказывали все, что знают сами учителя. О химии она готова была говорить и слушать с утра до вечера. Пришлось в доме организовать химический кабинет, в котором поразительное дитя проводило бесконечные опыты с кислотами, пробирками, порошками, спиртовками и всякой другой «вонючей химической гадостью». Бабки и няньки приходили в ужас и, крестясь, разбегались по углам, когда из «химкабинета» раздавались взрывы, валил и разливался по всему дому какой-нибудь ядовитый дым. Сама же Татьяна не только не теряла интереса и энтузиазма к этой ненужной и непонятной химии, совсем никчёмной для купеческой дочери, но наоборот, все больше и больше приходила в восторг от этой диковинной науки. В своем кабинете – а для ее химических опытов отец давно уж выстроил отдельный дом-лабораторию в саду – она повесила огромный портрет Михаила Васильевича Ломоносова и его известное изречение «Широко простирает химия руки свои в дела человеческие» и чуть ли не молилась на образ знаменитого ученого! К четырнадцати годам Татьяна сообщила отцу, что без химии она не видит смысла жизни, что будущее человечества – в химии, что России свыше суждено стать Великой химической державой, что химия осчастливит человечество, а посему она требует немедленно отправить ее на обучение за границу, в Англию или Германию, тем более, что языки она освоила. Действительно, она их освоила как-то мимоходом, не отвлекаясь от любимой химии. Отец, наследственный купец, пораженный невероятными способностями дочери, готов был ей содействовать в познании наук, но в поездке за границу отказал категорически. В Петербург или Москву – поезжай. Там сначала подучись, а потом видно будет, может, замуж выйдешь, да и химию забросишь. Юное дарование было возмущено до глубины души и не столько отказом отца о загранице, сколько самой мыслью, допускающей, что она – ОНА! – променяет химию – химию! – на какое-то глупое замужество!

– Нет уж, папенька, как я решила – так и будет! Никаких вам глупых, бессмысленных замужеств, а только – химия! Наука! – И, возмущенно сверкая глазами, топнула ножкой.

Папенька покачал головой, но в душе был жутко доволен характером дочери: неординарная девица растет, становится личностью, что-то из нее интересное получится.

А девица принялась с еще большей настойчивостью изучать химию. Она выписывала научную литературу по органической и неорганической химии из заграницы, переписывалась со всеми известными в ту пору учеными химиками, университетами, получала от них реактивы и продолжала свои бесконечные, пугающие родителей и прислугу, исследования и опыты. К тому времени у нее работали помощники и ученики, а возле дома купца Белоглазова образовалась небольшая химико-производственная исследовательская фабрика. Ходить мимо этой фабрики люди опасались, поскольку оттуда постоянно валил какой-то тошнотворный дым, и воздух становился ядовитым.

Но по-настоящему в доме Белоглазовых испугались, когда девушка Таня взялась за изобретение взрывчатых веществ. Она пришла к пониманию, что достижения современной химии дают возможность изобрести кое-что посильнее черного пороха, широко применявшегося в то время как на войне, так и при мирных взрывных работах. Юная химичка трудилась как одержимая и при этом никому из своих рабочих и помощников не давала спуску. Эксплуататарша оказалась еще та... Эксперименты следовали один за другим без всяких пауз. В конце-концов она провела первые опыты по нитрации органических веществ. Суть этой реакции заключалась в том, что многие углеродистые вещества при обработке их смесью концентрированных азотной и серной кислот отдают свой водород, принимают взамен нитрогруппу NO_2 и превращаются в

мощную взрывчатку. Так в научной лаборатории химика Белоглазовой был получен пироксилин, а затем нитроглицерин — взрывчатые вещества, обладавшие колоссальной разрушительной силой. Но этими изобретениями в Архангельске никто не заинтересовался. И тогда юная изобретательница решила ехать в Москву, в университет, чтоб продемонстрировать ученой публике созданное ею взрывчатое вещество. Везти нитроглицерин в Москву не представлялось возможным из-за его чувствительности к ударам и сотрясениям. Детонация нитроглицерина оказалась во много раз выше, чем у черного пороха. При ударе, часто совсем незначительном, нитроглицерин мог взорваться. Поэтому молодой химик описала точный способ нитрации глицерина и отправилась в Москву. Шло лето 1812 года. Мадмуазель Белоглазова, конечно, слышала, что началась война с французами, но особого значения такой мелочи не придавала — этот дурацкий Наполеон воевал почти столько, сколько она себя помнила. Мало ли взрослыми людьми глупостей делается... И только подъезжая к столице, она по-настоящему осознала, какая война разразилась в её Отечестве.

После того случая, когда она, спасая русских раненых солдат, доставленных в столицу после Бородинского сражения, чуть не попала в руки захватчиков, Татьяна решила добиться встречи с самим Светлейшим, главнокомандующим Михаилом Илларионовичем Кутузовым. Казаки указали ей дорогу в Тарутино, и скоро решительная и бесстрашная, самостоятельная девушка оказалась перед дежурным офицером, к которому её и доставили патрули. Офицер посоветовал красавице возвращаться домой к маме или, в крайнем случае, ехать в Калугу, пока Наполеона не изгонят из пределов Отечества.

Лучше б он этого не говорил, потому что услышал в ответ такой убедительный поток аргументов и фактов в острой её, Татьяны Белоглазовой, личной необходимости и полезности для армии, что ничего путного не мог ей ответить. Она же изобрела такую сильную взрывчатку, какой еще нигде нет в мире, и которая поспособствует ускорению победы над Наполеоном!

Неизвестно чем бы все закончилось, если бы на ту минуту её неудержимо-темпераментного ораторского излияния не заглянул к дежурному офицеру руководитель Высшей воинской полиции Яков Иванович де Санглен — француз по происхождению, убежденный монархист, преданный офицер русской службы, опытный вояка, человек живого ума. Увидев его, дежурный офицер ухватил Якова Ивановича за руку и, указывая на незнакомку, потребовал арестовать и отправить на гауптвахту — или его или ее, эту Архангельскую фурию, лишь бы не выслушивать от свихнувшейся девицы какие-то небылицы.

Внимательный Яков Иванович галантно поцеловал ручку симпатичной барышне и предложил пройти к нему в кабинет. То, что он услышал от этой хрупкой, но столь твердой духом и характером девушки, повергло его в шок. Особенно после того, как сам прочитал ее описание производства пироксилина и нитроглицерина, а так же их расчетную взрывную силу. Он не мог поверить, что все сказанное ею, действительно правда — да видано ли, чтобы девицы занимались изобретением взрывчатки? И чтоб вывести красавицу на чистую воду, он предложил ей повторить на деле опыт по нитрации глицерина, и сам внимательно наблюдал, как «эта крошка», как он ее окрестил про себя, бодро, быстро, напористо работала, лишь улыбаясь иногда, взглянув на бесконечно удивленное лицо Якова Ивановича.

— Все, готово, — доложила она по окончании нитрации глицерина. — Где прикажите взрывать?

Отошли по ее настоянию подальше. Для детонации использовали небольшую ручную гранату, которые метали гранадеры. Взрыв от трех литров жидкости нитроглицерина произошел столь мощный, словно взорвался полковой склад пороха. Яков Иванович хоть и прятался в яме за вывороченным из земли пнем, но из-за любопытства все же выглядывал из укрытия. Силой взрыва он был отброшен в овраг за кусты. Поднявшись с

земли весь в копоти, глине, Яков Иванович чувствовал слабость в теле и звон в голове. Половина лица его оказалась парализованной и синеватой в результате удара о какой-то камень, вторая половина опытного воина выражала потрясение и растерянность. Придя в себя, он доложил о барышне Белоглазовой самому Михаилу Илларионовичу Кутузову.

– Ах, какая умненькая головка у девоньки!.. – целуя купеческую дочь в лоб, растроганно проговорил Светлейший, когда Яков Иванович представил ему Татьяну Белоглазову. – Батюшке твоему орден бы положено дать за такую умницу. Михайло Васильевича Ломоносова, земляка твоего я знавал. Чем вы еще нас порадуете, Архангельские? Ну, ступай, доченька, работай, Яков Иванович всем тебя обеспечит. Испробуем твои бомбы на Наполеоне.

И она, счастливая, энергично взялась за работу.

Как-то поутру Татьяна вспомнила слышанное от кого-то еще в Москве, сказанное в сердцах перед наползающими французами: «потравить бы их всех, как тараканов...» Потравить, вот именно – потравить их, вот что надо сделать. Нужен газ... Чтоб лишить их сознания, понимания, способности действия, – решила она. Чтоб затравить насмерть – не думалось. И она сразу стала рассчитывать по формулам, что с чем должно войти в реакцию, чтобы получилось искомое. А уже через несколько дней практических действий юная ученая химичка предъявила Якову Ивановичу де Санглену стеклянную бутылку с прозрачной жидкостью.

– Вот, Яков Иванович, если смешать прозрачную жидкость из бутылки в тридцать литров с темной из бутылки, объемом в три литра, то получим газ, который усыпит человека за полминуты суток на двое, не меньше. Что-то еще должно произойти с подопытным человеком от этого газа, я не знаю, надо проэкспериментировать на живых существах. У меня имеются в перспективе и более сильные разработки, но тоже не прошли пробных испытаний.

– Господь с тобой, матушка! – Яков Иванович испуганно перекрестился. – Всех наполеоновских усыпим?

– Всех не получится. Растянутасть движения колонн, переменчивый ветер, меняющаяся температура воздуха – все это надо учитывать.

– Да ты-то что надумала с такими газами делать?

– Пригодятся, Яков Иванович. Непременно пригодятся, – бодро отвечала химичка.

На эти слова Яков Иванович снова перекрестился, приговаривая: «Спаси нас и помилуй, Матерь Божия». Сначала Татьяна скептически заулыбалась на испуганно-суеверную реакцию своего военного опекуна, а потом, вдруг вспомнив, что именно так на какие-то опыты реагировала маменька, задумалась. И задумалась она вот о чем: а если усыпленный газами не проснется? Ведь у каждой души Божьей свой организм. И сердечко стучит по-разному. А не разработать ли антигаз, который станет способствовать очищению от отравления? Да это же проще простого, подумала она. В закрытом помещении добавляется чистый кислород плюс еще кое-что (она тот час начертала несколько формул) и – все приходят в себя! Жаль, что не на ком экспериментировать.

Вот в таких трудах и научных поисках проводила свои дни юная руководительница химической службы русской армии госпожа Белоглазова. Но однажды к ней явился незнакомый поручик – симпатичный, чисто выбритый рослый атлет и, представившись Вячеславом Аняйкиным, передал химической красавице письмецо. То самое, что торопливо писал ей в тайном притоне ночных мстителей инженер-капитан Филипович. Она непонимающе развернула бумагу.

«Татьяна, где ты... Бога ради, найдись!.. Не теряйся... Я тебя ищу... Это – мой друг, ему можно верить во всем... Нам нельзя расставаться... Пиши мне на Крепость, родителям друга... Если же там меня не будет, то встретимся весной... летом у дома в Москве, где мы увиделись тогда... Ты – судьба моя! Инженер Евгений Филипович».

С последними словами разъяснилось все и сразу – она его любит! Любит, любит, любит! Она о нем думала беспрестанно, хотя не вспоминала ни разу – он жил и живет в ее сердце! Она его ждет, он – её ангел-спаситель, он ей нужен!

– Где он? Жив-здоров? Почему он не пришел? Он у французов? Ему что-нибудь угрожает?

Поручик помолчав, тихо ответил.

– Угрожает. Он экспедирует очень дорогой груз в Бобруйскую Крепость, чтобы спасти от французов. И может погибнуть каждую минуту: вокруг него почти одни враги. Кроме того, вслед за ним в погоню сегодня ушел отряд польской шляхты генерала Сокольниковского. Они собираются захватить драгоценности, которые капитан сопровождает в Крепость. И я сейчас же отправляюсь ему на помощь. В погоню за Сокольниковским.

– И я с вами! В погоню! В погоню!

– Да вы что? Это категорически невозможно, – испугался поручик.

– Это категорически необходимо! Вам без меня ничего не сделать!

– Но с нами уже едет в Крепость одна дама – издатель газеты «Бобруйская жизнь», моя жена. А вам никак нельзя!

– Еще чего! Мне и нельзя! Вот и отлично, раз едет ваша жена, нам вдвоем веселее будет, Яков Иванович! – начальнически крикнула юная химичка. – Срочно: три, нет – пять санных упряжек тройками. Мы скачем в Крепость! Я везу бомбы! Я им покажу! Широко простирает химия руки свои в дела человеческие! Они у меня понюхают пироксилина! В погоню! За мной, Ура!

Через два часа санный обоз и отряд кавалеристов на резвых лошадях с запасными ушел в снега – на Крепость. Поручик Аняйкин скакал впереди, следом шли на рысях казаки, другая часть отряда казаков замыкала экспедицию. Посередине колонны в санях находились юная химичка Татьяна и молодая жена поручика Елена. Укутавшись в просторные овчинные тулупы, они сидели рядом с прессованным пироксилином, изредка переговариваясь. В других санях тоже складировался прессованный пироксилин и стеклянные бутылки в плетеных корзинах с газообразующей кислотой.

Поручик слышал от Якова Ивановича, какими убийственными экспериментами занимается в ставке Кутузова жутко засекреченная мадмуазель из Архангельска, и не знал, верить словам начальника высшей воинской полиции или нет относительно этой девчонки. Но, глядя, как она жестко, категорично и энергично распоряжалась со всеми вокруг, и как все спешили немедленно выполнить ее приказы, и как всё мгновенно исполнилось из того, что она требовала – вот они уже мчатся, аж ветер свистит в ушах, поручик понял: ох, девица не простая! И, как ни странно, крутой боец поручик Аняйкин, мастер стрельбы и фехтования не чувствовал почему-то, что барышня сия находится под его защитой. Мало того, он боялся признаться себе, что в одной кампании с Белоглазовой чувствует себя безопаснее – рядом человек действий, сильный и решительный характером.

НОЧНОЙ БОЙ И ПОГОНЯ

Сокольниковский догнал золотой обоз ночью. Обоз встал на ночлег уже в темноте на одном из хуторов. Три дома с хозяйственными постройками, где жили отец и два уже семейных сына. Хозяйство как положено – лошади, коровы, свиньи, овцы, домашняя птица. Земли хватало. Настоятель костела в Горках назвал этот хутор как один из адресов надежного, спокойного ночлега.

– Свои люди, католики, – сказал он. – Живут в сердце с Иисусом.

Их действительно приняли по-человечески. Всех разместили, накормили. Командир полужэскадрона поручик Складовский-Заславский выставил на ночь посты. Но вторая

смена часовых – двое уланов, оказались изменниками, состоявшими в сговоре с генералом Сокольниковым. Они зарезали двух французских конногвардейцев, стоявших с ними в карауле, вывели своих лошадей и ускакали навстречу Сокольниковому.

Генерал военно-оперативной разведки шел буквально по следам обоза и рассчитывал именно на месте ночевки полностью уничтожить конвой. Спас положение старый хуторянин.

Все спали. Лучшие и самые теплые места отвели гостям. Понятное дело, солдаты и господа офицеры намерзлись на ночевках в поле. Сам хозяин ворочался на лавке у двери. Сторожевых псов он запер в хлеву, чтоб лишнего бреху не было, да чтоб военным не мешали службу нести. Поменялась смена, слышно было, как часовой-француз ходил по двору, хрустя снегом и периодически заходясь кашлем. И вдруг замолк. Хозяин полежал-полежал, да пошел проведать хозяйство. Вышел, а француз с перерезанным горлом в сугробе за хлевом.

Капитан Филипович разоружил и выстроил во дворе уланов напротив французских конногвардейцев, которые наоборот, все стояли с заряженными винтовками, направленными на уланов.

– Подлецы! Изменники! Предатели! Буду расстреливать через одного, пока не выдадите заговорщиков, – сдерживая ярость, прохрипел простуженным горлом генерал Саркози, и конногвардеец выстрелил в крайнего улана.

– Стойте! – Воскликнул потрясенный всем происшедшим поручик Складовский-Заславский. – Не стреляйте. Я обращаюсь к вам, польские уланы. Среди нас изменники! Изменники Польши, изменники императору, изменники чести. Я с вами ходил на врага, не прячась ни за чьи спины. Но, оказывается, ходил с подлецами. Не все вы – подлецы. Но если есть еще, кто такой – назовись и умри сам. Даю минуту. Или я застрелюсь сам, чтоб не было на мне позора в том, что я служил с подлецами и предателями.

И поручик, сняв головной убор, приставил пистолет к своему виску, поднял к глазам большие, круглые часы. Наступила такая мертвая тишина, что, казалось, на версту слышно их тиканье.

– Я виноват, – раздалось из строя, и вперед вышел улан. – Еще в Москве, а потом в Смоленске и под Красным с нами говорил помощник генерала Сокольникового про золотой обоз. Мы согласились служить им. Эти двое, что ушли, меня сегодня звали к Сокольниковому... Генерал хочет захватить обоз, Московские трофеи императора Наполеона.

– Расстрелять! – скомандовал генерал Саркози.

– Простите, генерал, – торопливо проговорил поручик, опуская пистолет. – Я за этого улана ручаюсь. Скоро рассвет, Сокольниковый нас окружит и всех перебьет. Поэтому уходите с обозом. А я с уланами стану держать здесь оборону. Мы, генерал, не изменники, мы умрем с честью.

– Тут можно уйти незаметно огородами через лес, – вмешался в разговор военных хозяин хутора. Генералу перевели его слова, он кивнул и обоз срочно, по тревоге собравшись, потянулся в ночной перелесок. Снег и метель заметала санные следы.

Обоз ушел далеко, выстрелов атакующих и обороняющих не слышал, но, оглядываясь уже при дневном свете, Филипович видел дымы с той стороны, где они надеялись спокойно ночевать – хутор горел.

Генерал Саркози торопил, торопил, торопил. Кони шли ходко, но быстро устали, затем закачались от слабости и стали падать. В каждой деревне и хуторе обоз менял лошадей, забирая свежих, да еще приплачивая за них. Необходимо к вечеру выйти на левый берег Березины.

Они вышли гораздо раньше. Уставшие, голодные, промерзшие, изо всех сил они стремились вперед и, когда инженер Филипович в очередной раз поднял глаза, он вдруг увидел небо над Бобруйском – сам Бобруйск и Крепость укутались в пелену морозного тумана, исходившего от стремительной, но уже почти замерзшей Березины. Остался один

бросок, один рывок, и они у цели. Там, в скромном, огороженном доме на левом берегу от Крепости их ждут, там их спасение. Там тайные ходы, секретные, никому не ведомые схроны. Там подземные лабиринты, там укрытие, спасение, конец бешеной гонке. Только успеть добраться и, уйдя под землю, суметь изолироваться от беспощадной погони. Это не сложно, это быстро, только добраться туда, вон к тому дому, его почти не видно, он за оградой, за снегами, но дорога к нему очищена, наезжена, значит – ждут. Скорее, скорее туда!

Франц Скавронский не лидировал в этой кавалерийской кавалькаде, но именно он, дальнзоркий человек, зорче других всматривался вперед, в тот приближающийся домик неподалеку от левого берега Березины напротив Крепости. Всматривался и не видел над лепрозорием дома больных проказой – знака, говорящего, что дорога открыта, а им должен быть желтый флаг с зелеными лентами. Флага не было, но и не выставлен знак опасности – красный флаг. Не зная, что думать по этому поводу, Франц, ухватив лошадь капитана под уздцы, сказал ему о знаке.

– Стойте! – крикнул Филипович, выслушав Скавронского. – Остановитесь! Здесь что-то не так!

Обоз встал.

– В чем дело, капитан? – спросил, подскакав, генерал Саркози. – Почему задержка? Разве за нами уже нет погони?

К приоткрытым воротам лепрозория подъезжало несколько конногвардейцев, вырвавшихся вперед. Услышав голос своего генерала, они пришпорили лошадей, и тут же раздался по ним залп в упор. Конногвардейцы рухнули в снег. Нога одного из них застряла в стремени, помчавшаяся лошадь поволокла тело убитого. Генерал склонился к шее лошади, прижав руку к левой ключице, один из конногвардейцев схватил его лошадь под уздцы и отвел подальше от ворот. Там генерала уложили на расстеленную солдатскую шинель. С головы инженер-капитана пулей сбило фуражку. Конногвардейцы вскинули ружья, готовые к стрельбе, но не видели противника.

– Всем спешиться! – принял на себя командование майор Депардьё. Подполковник Ришар недвижно лежал возле своей лошади, уткнувшись лицом в снег. – Занять место в укрытии!

Но где было укрыться среди заснеженного поля, находясь перед каменной стеной, из-за которой в вас стреляют?

– Занять огневую позицию за телегами обоза! – продолжал распоряжаться майор. Конногвардейцы выполнили команду, но несколько отважных бойцов рванулись к приоткрытым воротам, стремясь ворваться к противнику и опрокинуть его огнем и штыками. Но грохнул новый встречный залп, и смельчаки замертво повалились в снег.

– Занять позицию за обозом! – снова прокричал майор Депардьё. Конногвардейцы развернули телеги линией фронта к воротам и ограде. Створки ворот сошлись, оттуда больше не стреляли. Укрыв своего коня и став с винтовкой в руках за телегой, Филипович чувствовал себя, как и вся их команда, в западне.

– Капитан, что происходит? – злобно прокричал майор. Но капитан и сам бы хотел знать это.

– Эй, в лепрозории! – прокричал капитан, обращаясь к стреляющим то по-русски, то по-польски. – Кто вы такие? Не стреляйте, вы нас с кем-то спутали!

– Холера ясна, тебя спутаешь, москальско-французский холуй!

– Выходи, поговорим, разберемся! – отвечал Филипович.

– Мы в твоих потрохах разберемся! – прокричали из-за забора. – И засмеялись.

Охваченный жуткой догадкой капитан резко оглянулся на дорогу, по которой они только что скакали, стремясь сюда, к убежищу. Филипович не ошибся: по их следам приближался отряд генерала Сокольницкого.

– Майор, мы окружены! – в отчаянии прокричал он. – Занять круговую оборону.

Все понявший майор продублировал команду. Конногвардейцы расторопно выстроили обоз кругом, лошадей поставив в середину, а сами заняли круговую оборону за

телегами. Опытные солдаты, они были готовы драться на смерть. Глядя на организованные действия конногвардейцев, Филипович не к месту вспомнил известную команду Наполеона, когда его войска в Египте оказались в аналогичной обстановке, и будущий император выстроив войска в круговую оборону, заботясь о самых незащищенных, приказал: «Ослы и ученые – на середину!» Но на этот раз Филипович даже не улыбнулся. Он стоял с ружьем, выбирая цель повернее. Отряд Сокольницкого приближался, разворачиваясь по флангам, выстраивался для широкого охвата противника, чтобы прижать его к стене, не дать никому уйти, а тут же, под стенами лепрозория, всех и уложить.

– Казаки! Казаки! – вдруг закричал Скавронский, указывая рукой в сторону отряда Сокольницкого.

Филипович непонимающе смотрел на наступающих и наконец-то, с радостью, далеко за спинами атакующей шляхты различил разворачивающихся лавой, стремительно приближающихся и лихо посвистывающих казаков с пиками наперевес. Впереди, Филипович ясно видел, неслись тройки, в одной из них стояла с развивающимися русыми волосами женщина. Она левой рукой ухватила за широкий воротник овчиной шубейки возницы и что-то кричала – слов было не разобрать, только отчаянный женский голос ее свидетельствовал о невероятной эмоциональности и неудержимости характера мчащейся в центре атаки амазонки. Но вот казаки обошли тройки и дружно, по команде женского голоса метнули в цепи Сокольницкого гранаты жуткой мощности. Шляхта, остановившаяся, чтобы отразить атаку неизвестно откуда взявшихся казаков, почти моментально была разорвана и сметена бомбами неслыханной силы, а казаки уже неслись к лепрозорию и метали всеразрушающие гранаты за его ограду. В некоторых местах стены обрушились. Ворота лепрозория разлетелись в щепки. Стоны, вопли раненых и умирающих захватчиков лепрозория инженер-капитана не волновали, он смотрел на мчащуюся по полю сражения тройку.

Дама с развевающимися волосами, продолжая отдавать команды, другая тем временем стреляла из пистолета в шляхтичей. Выстрелит – ей сразу подадут новый заряженный пистолет, и она снова стреляет.

Инженер-капитан с удивлением наблюдал вихрь атаки, и, как ему казалось, чувствовал призывный женский крик: «Инженер Филипович! Инженер Филипович!» А Филипович, шагнув на встречу мчащейся в его сторону тройке с этой восхитительной женщиной уже, кажется, узнал ее голос: он его слышал именно в тот день, когда войска Наполеона вошли в Москву. Да, этот голос ему не забыть. Именно этот голос ему прокричал там, в Москве: «Спасибо, инженер! Храни вас Бог!» И вот уже она сама, как Божий ангел летела к нему на крыльях чуда – спасительница архангельская!